

ВВЕДЕНИЕ

Т.Б. Щепанская

ПОМОРСКИЙ ДНЕВНИК Т.А. БЕРНШТАМ: К МЕТОДИКЕ И ПРАКТИКЕ ПОЛЕВОЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ РАБОТЫ

Задача проанализировать опыт полевой этнографии российских и советских исследователей не теряет актуальности, находя отражение в периодически возобновляющейся полемике на страницах научных журналов. Тем не менее сейчас полевые практики западных коллег в гораздо большей степени, чем отечественные, вербализованы, проблематизированы и критически переосмыслены в дискуссиях 1980–1990-х гг., по материалам этих дискуссий написаны учебники, т.е. опыт критического переосмысления «поля» вошел в практику подготовки профессионалов [Marcus, Fischer 1986; James, Hockey, Dawson 1997]. Один из важных результатов этих дискуссий — изменение самого «ритуала» этнографического письма: в научные монографии и статьи теперь принято включать не только описание записанного в поле как объективных свидетельств о жизни изучаемой группы, но и рефлексию самого процесса исследования (сведения о методах полевой работы, позиции исследователя, его гендерной принадлежности, а также о социальном положении и позиции ключевых информантов и о взаимоотношениях исследователя с информантами) [см.: Jenkins 1993]. Теперь важно не только ознакомиться с информацией, полученной в поле, но и с тем, как эта информация была получена. Такой способ подачи этнографических данных хотя и разрушает, на первый взгляд, впечатление их объективности (вводится фигура исследователя, а тем самым — и проблема субъективного фактора), но увеличивает возможность их верификации, а следовательно, и научную ценность.

Научная деятельность, как и многие другие культурные практики, все больше глобализуется. Означает ли это, что опыт национальных школ утрачивает значение? Взаимодействие антропологов и этнологов разных стран, напротив, вызвало повышенный интерес к наличию разных национальных традиций — пишут даже о необходимости антропологического изучения самой антропологии, т.е. дискуссия о методе переводится в контекст обсуждения его культурной и социальной обусловленности. Сами практики этнографического поля могут рассматриваться теперь как культурные конструкции, а их различия — как ресурс для взаимообогащения.

В отечественной этнографии анализ методов полевого исследования расщеплен между обсуждениями теоретического плана, историческими изысканиями и мемуарно-рефлексивными текстами. Мне представляется важным перейти к систематическому анализу конкретных практик полевой этнографии на материале работ ярких представителей отечественной науки.

В этой статье я хотела бы обратиться к опыту Татьяны Александровны Бернштам, в чьих трудах, посвященных изучению ключевых проблем русской крестьянской культуры (таких, например, как локальные традиции; половозрастная структура; народная религиозность), нашли отражение результаты ее многолетней полевой работы. Сборник к 75-летию исследовательницы не случайно озаглавлен ее поэтической строчкой: «Уведи меня, дорога». Именно ее опыт этнографического «поля», размышления о методиках полевого исследования и самую атмосферу ее поездок хотелось бы здесь представить вниманию читателя.

С точки зрения дискуссий о современном методе «поля» важно и то обстоятельство, что она опубликовала книгу «Новые направления в изучении русской традиционной культуры» (по материалам лекций, прочитанных в Киеве), где отчетливо изложила свои поиски в области методологии этнографических исследований [Бернштам 1993].

Это важный момент, т.к. в большинстве случаев опыт этнографической работы так и остается в трудах отечественных исследователей, особенно относящихся к ее поколению — поколению моих учителей, почти не отрефлексированным. Но и в этой книге мало сказано о самой практике полевой собирательской работы. Однако в Архиве МАЭ РАН хранятся многочисленные тетрадки ее полевых отчетов и дневников экспедиций 1960–1980-х годов¹.

По этим материалам написаны статьи и монографии, однако принятая в то время практика написания научных работ не предусматри-

¹ Архив Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого Российской академии наук. Ф. К-1, оп. 2. В дальнейшем ссылки на эти материалы обозначаются сокращенно: АМАЭ.

вала рефлексии по поводу методов сбора материала, и в публикациях нашла свое отражение информация уже в объективированном виде, фигура исследователя была вынесена за скобки. Характерный пример — две замечательные монографии Т.А. Бернштам о поморах, по сей день остающиеся классическим образцом всестороннего описания этнографической группы [Бернштам 1978; 1983]¹. Впечатляющие изыскания об историческом прошлом поморского населения, его локальных особенностях, занятиях, социальных структурах. Но сведения о процедуре полевого исследования ограничены ссылками на номера архивных дел (ее полевых дневников). Означает ли это, что рефлексия поля на самом деле отсутствовала? Верно ли мнение, что рефлексивное направление складывалось в западной науке примерно с конца 1970-х, а для отечественной традиции рефлексия метода была нехарактерна, тем более в 1960-е, когда Т.А. Бернштам собирала свой материал о поморах?

Полевые дневники Поморской экспедиции позволили увидеть ее исследовательскую практику в подробностях, в контексте размышлений автора по поводу предмета этнографии и методов понимания и фиксации этнографической реальности. Я выбрала для более пристального анализа дневник экспедиции на Зимний берег Белого моря (в с. Койду и д. Майду) 1963 г. [АМАЭ. Д. 871, л. 118]. Результаты этой поездки нашли отражение во многих статьях Т.А. Бернштам, а также в уже названных выше монографиях о поморах [Бернштам 1978; 1983]. Полевой дневник раскрывает ту сторону исследовательских практик, которая не нашла отражения в публикациях.

В тетрадке (118 листов) подробнейшим образом описан процесс полевого исследования, возникающие в ходе его вопросы, меняющиеся в зависимости от конкретных обстоятельств планы. Здесь наброски вопросов к предполагаемым интервью, выписки из местной прессы и архивных дел, отчетливо видны логика поиска информантов, выстраивания отношений с местными жителями — не только приемы и техники полевой работы, но и их рефлексивное осмысление. Во время написания дневника автору было около 28 лет.

Спустя тридцать лет Татьяна Александровна напишет в книге по материалам прочитанных ею лекций: «Полевые экспедиции — это возможность ощутить причастность к народной жизни, до известной степени психологически адаптироваться к ней, почувствовать ее внутреннюю логику и пульсацию. Если с этнографом подобные процессы происходят, я уверена, что рано или поздно он обнаруживает в себе знания куда более обширного и достоверного порядка, нежели те, которые он

¹ Переиздание последней из них, предпринятое издательством О.Г.И. в 2009 г., — лучшее тому подтверждение.

целенаправленно собирал в архивах или по специальной полевой программе» [Бернштам 1993: 26].

В поморском дневнике мы обнаружим множество записей, касающихся техник включенного наблюдения — от поиска контактов в местной среде до практик заинтересованного участия в местной жизни и активного сопереживания.

Включенное наблюдение как заинтересованное участие. Этнографическая полевая работа предстает в дневнике как череда практик, в которых этнограф соучаствует с местными жителями — и пишет.

На первом плане — задача наблюдения рыбацкого быта, в соответствии с программой исследования. В планах было в первые же дни уехать с рыбаками «на Серете» — СРТ (Северном рыболовном траулере), который ходит в Атлантику на сельдяной промысел, — «смотреть моряцкий быт в действии» [АМАЭ. Д. 871, л.8]. Поездка сорвалась, но позже Т.А. Бернштам предпримет поход на тони во время промысла семги. Присоединившись в этом походе к представителям местной власти, она получит возможность увидеть жизнь рыбаков-поморов не с позиции праздного наблюдателя-чужака и по ходу наблюдений получить комментарии экспертного плана. Уже в первые дни в Койде она получает приглашение от рыбаков поехать на три месяца на мурманский промысел. «Только так можно узнать быт на промысле», — говорят рыбаки [Там же. Л. 8]. Во время похода на тони Татьяна Александровна присутствует на открытом комсомольско-молодежном собрании и политинформации, которые проводит ее спутник — местный парторг.

Опыт соучастия накапливается и во время жизни в деревне: Т.А. Бернштам радуется, когда представляется возможность поучаствовать в спевках местного хора: «А вечером мне повезло. Во-первых, нашла песенниц, да таких, что в хоре выступали и петь согласились <...> женщины немножко попели для затравки, после трех куплетов я уж им подтягивала — низким голосом» [Там же. Л. 93].

Значимый аспект полевой работы — освоение пространства как первое условие преодоления отчуждения, перехода из позиции чужака в положение соучастника. Добираясь до места на карбасе, этнограф записывает рассказы местных жителей. Остается в доме, осматривает его, и вот в дневнике появляются фиксации авторских наблюдений: план жилища, обстановка, местные названия ее элементов; далее описания бани и обычаев совместного пользования ею, заметки о местной одежде, примеры характерной лексики и фразеологии.

Дом — первое освоенное пространство, затем — прогулка по селению и обследование его окрестностей. В первые же дни пребывания в Койде Т.А. Бернштам вместе с жителями отправляется «с ребятами в

лес за морошкой и грибами. Хотела посмотреть окрестности Койды», затем поход за пять километров «за вениками»; при первой возможности идет вместе с местными руководителями на тони. Пространство раскрывается через ощущения тела — этнограф осваивает не территорию как абстракцию или структуру, но именно те практики, через которые формируется чувство территории у местных жителей. При этом внимательно фиксирует свои ощущения в полевом дневнике: «Дорога вдоль берега мучительная. Она идет через плавни, болота, кустарники, то в гору, то под гору» [Там же. Л. 55].

Исследователь со-присутствует местным целостно, телесно — взаимодействуя с ними, пребывая в общем пространстве не только в порядке обмена сообщениями. Вот они проходят по берегу, заходя по пути в рыбацкие избушки. Начался лов семги, и всюду по пути гостей угощают семужьей ухой: «Конечно, нас угостили семгой: пришли как раз к обеду... Когда пришли в Малую Кедовку, здесь тоже угощали семгой точно в таком же духе. Отказаться нельзя, и хотя бы немного пришлось съесть» [Там же. Л. 54]. Интересно и важно: в этой записи описание рыбацкого быта на тонях (в соответствии с первоначально намеченной программой данной поездки) одновременно и описание чувственного опыта, и фиксация местных обычаев — правил коммуникации.

Еще эпизод из описания пространственных практик: возвращение в Койду — на последнем этапе пришлось переправляться на лодке во время отлива, никак не удавалось причалить: «Уморительно перебирались через реку. Был отлив <...> пока я переругивалась с одной бабой, с которой запуталась ногами и сумками, — лодка куда-то вдруг поплыла, резко вырвавшись из воды... так продолжалось минут сорок. Вылезали под гомерический хохот женской половины Койды. Все были очень красивые: красные, растрепанные, мокрые, злые <...> совсем не так представляла я свое возвращение в Койду. Зато дети встретили меня восторженно и всей кучей набросились на меня сверху. Это было очень приятно. Чудесно же было вечером вымыться в бане и лечь» [Там же. Л. 87–88].

Чувственное постижение местности, судя по записям, значимо и связано с темой этнографического понимания, специфики этнографии как способа познания. Вот автор перед отъездом из Майды уходит в лес: «Я сегодня утром и вечером ходила гулять за Майду. Нашла грибы-подосиновики — сломала их и нюхала, даже есть не хотелось. А вот ягоды ела лежа: чернику и сиху. Пахнет здесь чудесно, вокруг никого нет: холмы и озера. Немного поняла, ходила-ходила, думала-думала... Хотелось все это впитать поглубже» [Там же: Л. 84]. Вот этнограф в доме у информанта: в дневнике появляется запись рассказа о событиях периода репрессий, а затем замечание об обстановке дома: «Почувство-

вала настоящий рыбацкий дух — кожа, сети, море, рыба. Старик каждый день ходит за рыбой на озеро Каменное» [Там же. Л. 91].

Этнограф познает через соприсутствие и соучастие — этнография не может быть сведена к простому, даже очень внимательному, наблюдению или серии даже глубинных интервью. Эта мысль, возможно, тривиальна для многих этнографов-полевиков, но я посчитала необходимым ее озвучить именно сейчас, когда этнографический метод становится все более популярным среди исследователей разных направлений — социологов, исследователей в области cultural studies и порой сводится (в особенности начинающими исследователями) к набору формальных техник (наблюдения, интервью, фотографии и т.д.).

Обратиться к опыту этнографов поколения Т.А. Бернштам мне представляется актуальным еще и по той причине, что в отечественной этнографии как раз практики полевой работы обычно осваивались и передавались через прямое сотрудничество, в ходе совместных экспедиций этнографов разных поколений. Основной способ трансляции был «лицом к лицу» («из рук в руки»). В наши дни в профессию приходит все больше людей без такого опыта, да и коллективные экспедиции уступают место одиночным (или во всяком случае немногочисленным и однопоколенным) выездам целенаправленно для работы по конкретным темам и программам. Так что необходимость зафиксировать этот опыт назрела (а в дневниках Т.А. Бернштам отчасти это уже и произошло — это замечательный и очень полезный ныне пример рефлексии полевого метода).

Не это ли соприсутствие-соучастие — с полным вовлечением этнографа в местные практики (не только через слова, но и через чувства и телесные ощущения) — имеют в виду местные жители, говоря, что только так можно «понять» их жизнь? Обращу внимание на одобрение, с которым встречают в колхозе молодого этнографа после ее соучаствующей поездки на тони: «В колхозе меня встретили тепло, им явно пришлось по вкусу, что я не сижу на одном месте, а езжу, смотрю их жизнь» [Там же. Л. 90].

Возвращаясь к вопросу рефлексии метода, отмечу еще одну важную для Татьяны Александровны сторону экспедиционной работы — отношения с местными жителями, налаживание коммуникаций. Она выстраивает их таким образом, чтобы перестать быть чужой и приезжей — стать своей. Здесь важно и проживание в доме у местных жителей, и походы с ними по окрестностям, и участие в спектаклях, в обрядах (она присутствовала на панихиде). Это всегда искренний интерес, открытость, общительность и доброжелательность. При этом остается этнографическая точность рефлексии своего положения: «На второе была запеченная камбала — ее ели ложками, — записывает в дневнике Т.А. Бернштам. — Мне уже не давали отдельной чашки, ели все вместе

из одной. Почти своя» [Там же. Л. 11]. «Маша (дочь хозяев дома, где Т.А. остановилась. — *Т.Щ.*) все время пела песню: “Танечка, Танечка, сколь Вы хороши”» [Там же. Л. 10].

Спустя несколько дней она уже дает местным детям уроки английского языка; замечает новые признаки своего вхождения в местное общество: «У меня, кажется, уже тоже есть прозвище (как у всех местных жителей. — *Т.Щ.*); вчера около библиотеки ребята кричали не то “Малява”, не то что-то в этом роде» [АМАЭ. Д. 871: 31]. Во время пребывания на тонях отмечает доброжелательные поддевки в свой адрес со стороны рыбаков: «Разговаривают (рыбаки. — *Т.Щ.*) с начальниками, как равные, шутят, поддразнивают, смеются... но острие своей сатиры направляют на меня. Юмор понимают. В общем, с ними очень легко, они удивительно чистые, простодушные, без всякого гонора и спеси. Слушают с удовольствием, говорят, что “товарищ аспирант” читает им “хорошие лекции”. А мы просто говорим о достижениях медицины, кибернетики, об археологических раскопках и Библии» [Там же. Л. 63].

Чтение «в поле» лекций для местных жителей — обычная практика этнографов поколения Т.А. Бернштам (идушая от ее учителей), — помещено в контекст развития ее отношений с ними, вхождения в местную жизнь. Лекции, уроки английского, просто обсуждение общественно-политических и научных вопросов — это выстраивание роли в местной среде, наполнение этой роли реальными делами, практиками взаимодействия, которые воспринимаются местными жителями как полезные и нужные. Т.А. Бернштам пишет, как «читала лекцию “Из истории Поморья и Койды”. Пришло много народу — зал был полон. Лекция понравилась, слушали хорошо и задавали вопросы». История поморских поселений — тема, которая вызывает большой интерес у жителей, они неоднократно подходили с вопросами на эту тему.

Любопытно отметить, что «товарищ аспирант» отнюдь не пытается подыграть местным жителям, которые выдвигают свои версии происхождения своих поселений, зачастую неправдоподобные, но лестные для них. Т.А. Бернштам пишет об одном из слушателей ее лекции: «Звал меня в Ануфриевский (населенный пункт, который здесь многие считают прародиной других поселений. — *Т.Щ.*) искать золото с помощью какого-то механизма, который он сам изобрел» [Там же. Л. 109]. Молодой лектор предостерегает от того, чтобы бездумно доверять местным преданиям. Опираясь на архивные данные, исследования, археологические материалы, она знакомит жителей с научными взглядами на происхождение и историю их родных сел и деревень. Обсуждение исторических проблем может быть весьма бурным, что порой способствует сближению приезжей исследовательницы с населением: «Схлестнулася в колхозе с мнени-

ем, будто бы в Ануфриевском было 800 человек жителей сто лет назад. Привела им данные по архивным документам 1871 года — 40–50 человек. Это, — говорят, — неправда. Вот тебе раз! Ведь надо, говорю, критически к рассказам стариков относиться. Им до сих пор кажется, что Ануфриевский — пуп земли и от него все пошло и что бочки с золотом в озеро спущены — это тоже слыхали не раз: в любую деревню в Архангельской области приедь, где есть озеро, обязательно бочки с золотом спущены. Почему только не поднимают их оттуда — неясно!» [Там же. Л. 96].

В этом эпизоде обращает на себя внимание равный, серьезный диалог, именно такой принцип обсуждения вопросов истории позволяет молодому исследователю найти ту самую почву, на которой она может общаться с местными жителями на равных и с обоюдным интересом и уважением. Это именно диалог, взаимная коммуникация, а не только лекция, где один выступает как неоспоримый эксперт-ученый, а роль слушателей сводится к безмолвному вниманию. Т.А. Бернштам вовлекает и вовлекается сама в коммуникативный процесс. И жители Койды принимают ее в этой роли — называют «историком», но при этом спорят, выдвигают собственные точки зрения, подыскивают аргументы и выслушивают противоположные, тем самым принимая Татьяну Александровну в свою среду. Важный в современных обсуждениях этнографической работы вопрос о ролевой позиции этнографа по отношению к изучаемому сообществу здесь решается без всякого лукавства или попытки мимикрии. Татьяна Александровна остается самой собою, но ее открытость позволяет местному сообществу создать для нее интересную и нужную для этого сообщества роль.

Поморский дневник Т.А. Бернштам дает огромную информацию к размышлению по поводу этнографического метода и его ядра — включенного (участвующего) наблюдения. Однако этот метод отнюдь не сводится к соучастию в повседневных практиках, он имеет более сложную структуру. Через тридцать лет Т.А. Бернштам напишет: «Помимо “поля”, этнографические материалы, как известно каждому специалисту, могут быть найдены везде: музеи, архивы, публикации и литература различного рода (включая мемуарную, экономическую, художественную и др.)» [Бернштам 1993: 26]. Эти источники осваиваются при подготовке экспедиции, но актуальными они остаются и в поле.

Я бы хотела обратить внимание на практики Т.А. Бернштам как полевого этнографа, связанные с обращением к локальным институтам социальной памяти. Читая материалы ее поездки в Койду, я обратила внимание, что знакомство с пространством не сводится к концентрическому расширению (дом — селение — его округа — промысловые уголья). В самом селении есть структурно значимые точки: Т.А. Бернштам

посещает местные архив, библиотеку, сельсовет, правление колхоза, присутствует на спевке хорового коллектива, навещает расположившихся поблизости геодезистов из Ленинграда, т.е. обращается к институционализированным формам локальной памяти.

В архиве она ищет данные о родственных связях местных жителей, составляет таблицу, где находит отражение история этих связей. В библиотеке берет книгу Ю. Казакова «По дороге» [Казаков 1961], где речь идет и об этих местах. Там же читает подшивки местной газеты «Маяк коммунизма», знакомясь с историей промысловых объединений, колхозов, с проблемами, волнующими местных жителей. В правлении колхоза этнограф находит план Койды и мест промысла, а также получает информацию о поездках на промыслы, выясняет возможности к ним присоединиться. В сельском совете берет три книги «Обыск брачный» по Койденской волости и селению, где есть данные с 1850-х по 1920-е годы. У геодезистов рисует карты местности. От исполнительниц, поющих в сельском хоре, записывает собранные ими образцы песенного фольклора, договаривается, что они «попоют» для нее свадьбу и другие обрядовые припевки. Таким образом, значительную часть информации этнограф находит уже в концентрированном виде, аккумулированной в рамках соответствующих институтов. Однако не забывает, что информация собрана по правилам этих институтов, в соответствии с их специфическими потребностями и структурой, а потому не может быть воспринята буквально, без верификации.

Т.А. Бернштам несколько раз пишет о необходимости проверки и сопоставления данных разных источников. Обратим внимание, как она работает в местном архиве. «У меня отличный консультант по всем вопросам — Иван Федорович Малыгин. Чуть встречается нужная фамилия, я тут же выясняю его генеалогию» [АМАЭ. Д. 871, л. 52]. Составляя таблицы родственных связей, делает пометки: привести в соответствие с устными рассказами. Есть и ряд пометок, выражающих удовлетворение тем, что устные свидетельства «пока совпадают» с архивными. В случае несоответствия — выясняет пределы расхождения (пример с историей и численностью села Ануфриевского, приведенный выше).

Приходится слышать от коллег, что этнографический интерес к современности возник в отечественной науке только в последние годы, когда постсоветская трансформация открыла возможности активной коммуникации с западными коллегами; что наша этнография, развиваясь в русле исторических наук, игнорировала вопросы социальных практик современников, сосредоточившись на вопросах исторической антропологии. Вероятно, многое из наблюдений современности действительно не находило отражения в публикациях этнографов. Но это

не означает, что таких наблюдений или интереса к современности не было: свидетельства тому есть в полевых дневниках.

В поморском дневнике Т.А. Бернштам есть, в частности, любопытные наблюдения практик колхозной жизни, дискуссий на комсомольском собрании, взаимоотношений между колхозниками-рыбаками и местным руководством (председателем колхоза, партгоргом). У нее возникают и вопросы по поводу предмета этнографической науки, переопределения его границ. Вот, например, она наблюдает оторванность рыбацких поселков от городской цивилизации. «Некоторые женщины, видя в кино работу различных машин и механизмов (особенно поразила их упаковка продуктов на фабрике), не верят, что это действительно происходит у нас и в наше время. Совершенно обезоруживают неверием чисто детским, пока сами не убедятся. Это этнография?» [Там же. Л. 85].

Поморский дневник Т.А. Бернштам дает замечательный повод для диалога об этнографическом методе и полевой практике этнографа. Осуществив в этой небольшой статье опыт такого диалога, я хотела привлечь внимание к необходимости и своевременности обращения к опыту этнографов советского периода, в первую очередь к полевым дневникам как источнику, где такой опыт может найти выражение порой более полное, чем в опубликованных работах. Пример поморских дневников Т.А. Бернштам свидетельствует о том, что практики полевой работы советских этнографов вполне соответствовали нынешним требованиям научного метода (рефлексивное описание, осмысление и вербализация телесного, чувственного опыта).

Библиография

Бернштам Т.А. Поморы: Формирование группы и система хозяйства / Под ред. К.В. Чистова. Л., 1978.

Бернштам Т.А. Русская народная культура Поморья в XIX — начале XX в.: Этнографические очерки / Под ред. К.В. Чистова. Л., 1983.

Бернштам Т.А. Новые перспективы в познании и изучении традиционной народной культуры (теория и практика этнографических исследований). Київ, 1993 (2 изд. — Київ, 1994).

James A., Hockey J., Dawson A. Introduction. The road from Santa Fe // *After Writing Culture. Epistemology and Praxis in Contemporary Anthropology.* L., N.Y., 1997. P. 1–15.

Jenkin T. Fieldwork and the perception of everyday life // *Man (N.S.)*, 1993. 29. P. 433–455.

Marcus J.E., Fischer M.M.J. Anthropology as Cultural Critique: An Experimental Moment in the Human Sciences. Chicago, London, 1986.